

ФОРМУЛЬНЫЙ ИДИОСТИЛЬ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Н.М. Шевченко

Рассматривается языковое мастерство М. Цветаевой на уровне лингвистических формул.

Ключевые слова: формула; эстетические потребности; мирозерцание; фундаментальные категории; духовность.

Время обладает одним поразительным свойством – ставить все на свои места, вносить изменения в исторические трактовки и официальные установления. Суждения потомков заключают в себе новый этап духовного опыта, критерии и оценки, необходимые для осмысления новых процессов общественного развития.

В современной науке произошла смена научных приоритетов, в лингвистике стала очень

продуктивной идея, впервые прозвучавшая еще в первой половине XIX в. в работах В. Гумбольдта о том, что язык нужно изучать в непосредственной связи с человеком, его деятельностью, мышлением, сознанием. Идея об особом типе сознания, определяющем мысль и язык, получила развитие и в работе А.А. Потебни “Мысль и язык”. Основной задачей науки о языке он называет исследование участия языка в процессе

формирования личностного видения мира. Человек открывает мир и осознает себя с помощью языка. Учитывая, что слово является достоянием индивида, к его значению необходимо подходить не только с позиции лингвистического описания. В естественных условиях лексикон индивида функционирует в составе и на базе сложного взаимодействия перцептивных, когнитивных и аффективных процессов и их продуктов при постоянных переходах между разными уровнями осознанности. Изучение языка личности не может протекать изолированно от культуры, носителем которой данная личность является, поскольку "... язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека", это сумма всех слов, "объединенная духовная энергия народа..." [1, с. 348] Культура и язык – это формы сознания, выражающие мировоззрение человека. "Мировоззрение отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей обыденной, или "наивной", картины мира" [2, с. 225]. "Язык – и, в частности, его словарный состав – представляет собою лучшее доказательство реальности "культуры", в смысле исторически передаваемой системы "представлений" и "установок", "язык – способ передачи реалий культуры", "...культура, в принципе, является неоднородной и изменчивой, но таков и язык" [3, с. 289–299].

Как показывает анализ научной литературы, исследование текста продолжает оставаться антропоцентричным. В этом направлении исследуется язык в человечестве и для человечества, где язык отражает содержательную сторону, определяет индивидуальность внутреннего мира человека, что способствует описанию языковой личности и языковой картины мира. Все это вместе дает возможность создания языкового портрета личности. Это означает, что проблема человеческого фактора в языке особенно актуальна, важна и в восприятии, и в понимании текста.

Немалая роль в тексте отводится выразительным средствам языка, рождающимся в живой стихии языка, но именно в тексте они проявляют свой глубинный смысл, свое яркое содержание, что значительно усиливает экспрессивность и воздействующую силу текста. С их помощью писатель не только выражает свое миропонимание, но и определенным образом воздействует на читателя. Он стремится так построить текст, чтобы содержание способствовало рождению яркого образа, т.е. будило воображение читателя, направляло его эмоции и ассоциации. Слову в тексте присуща своеобразная "игра" прямых и переносных значений, подчеркивающая подвижность его се-

мантики и потенциальную готовность языковой единицы к новым неожиданным осмыслениям.

Давно назрела необходимость объединить все выразительные языковые средства в одну группу с учетом культурного уровня и мотивационной установки конкретных носителей языка. Это связано с тем, что функционирование системы смыслов в каждом случае уникально. Ср.: "Счастливые часов не наблюдают", "Любовь – провал во времени", "Любовь не имеет прошедшего времени". Эти примеры говорят о том, что исследование функционирования выразительных средств в языке должно проводиться с учетом различий языковых личностей, участвующих в коммуникации.

Одной из ярчайших языковых личностей современности является Марина Ивановна Цветаева. Этим определяется возрастающий интерес к изучению языка М. Цветаевой, стремление осознать ее индивидуальность и неповторимость.

М. Цветаева прекрасно понимала свое назначение и свои задачи, охарактеризовав их очень краткими, но семантически глубокими философскими формулами: "Кто был – должен быть *всегда*, а это забота поэтов" [4, VII, с. 247]; "Поработить видимое для служения незримому – вот жизнь поэта" [4, V, с. 284]; "...Какова цель (...писаний – о людях). ВОСКРЕСИТЬ. Увидеть самой и дать увидеть другим. <...> Пусть каждый – *свое* и по – *своему*, а в общем – сумма цифр, т.е. правда" [4, VII, с. 247]. Она считала, что только так возможно сохранить и историю, и культуру, и язык. Интерес к личности Цветаевой проявляют многие исследователи, однако работ, посвященных комплексному анализу языка философа, лингвиста и поэта, на сегодня нет. Отсутствуют и различные виды авторских словарей выразительно-изобразительных средств, использованных Цветаевой.

Наша задача состоит в том, чтобы не только описать языковую личность и выявить единицы языка М. Цветаевой, которые несут в себе культурную информацию о времени и пространстве ее творчества, но и сохранить их для последующих поколений в виде словарей, справочников и энциклопедий. Такие материалы дадут возможность говорить о развитии языка вообще и, в частности, об индивидуально-авторском мастерстве и умении дарить свой Мир потомкам. Лексикография играет важную роль в решении проблемы "язык и культура". Словарь – это показатель предшествующей и современной культуры. Цель именного словаря – дать представление о языковой личности и русской ментальности,

истории, культуре через описание фрагмента русской языковой картины мира.

Изучение языка с позиций культуры народа, а также стремление познать культуру через язык привело исследователей к мысли о существовании в каждом языке весьма ограниченного постоянно меняющегося и обязательного для всех членов этого лингвокультурного сообщества набора сведений, обеспечивающих понимание между носителями данного языка и культуры. Этим набором сведений в структуре языковой личности Цветаевой являются имена собственные, фразеологизмы и формулы, главенствующая функция которых определяется их особым положением в тексте. Они имеют значение не только как единицы языка, но и как источник памяти понятий, воззрений, знаний и представлений, в них отражаются характер и оценка, на основе которых создается образность. Особенности лексикографирования имен собственных подробно рассмотрены в монографии «Развитие ономастической лексикографии в Кыргызстане» [5], а основные проблемы и особенности лексикографирования фразеологии описаны в монографии «Основы современной фразеологии» [6]. В данной статье рассмотрим словесно-поэтические формулы, характеризующие индивидуальность языковой личности Марины Ивановны Цветаевой.

В справочной литературе слово *формула* имеет два определенных значения. Это либо выражение условными знаками определенных значений (математическая формула), либо краткое и точное словесное определение.

Как в любом литературном жанре, в *формуле* проявляют себя авторское самосознание, образ, который выражает себя в суждении, реплике и речевой характеристике. *Формулы* Цветаевой выстраиваются в ряд с другими малыми литературными жанрами: мотто, гнома, хокку, рубаи и др.. Всем им присущ ряд общих черт с пословицами, афоризмами, меткими образными изречениями, но главной отличительной особенностью является то, что афоризм – это общеизвестное высказывание, построенное на фактах общемировой культуры, а *формула* базируется на фактах кодовой системы субъекта. Следовательно, *формула* – индивидуализированное высказывание и является компонентом культуры языковой картины мира определенной языковой личности. И если в современных литературоведческих словарях нет дефиниции «формула», то, возможно, потому, что до сих пор оставалась как бы скрытой для читателя эта жанровая структура в творчестве художников слова.

На основе глубоких познаний в области философии, частных гуманитарных наук и искусства, богатого жизненного опыта Марина Цветаева создала свое интеллектуальное и художественное мироздание, в котором слово передает новые смыслы и значения. Это стало творческой манерой и стилем Марины Цветаевой – говорить и писать афоризмами, составлять формулы откровений.

Художественные произведения, эпистолярные сочинения, литературные статьи и эссе, дневниковые записи содержат оригинальные суждения, которые сама Цветаева называет *формулами*. В ее понятии это краткое афористическое суждение в форме литературного произведения со всеми присущими ему чертами. Это особый литературный жанр, созданный и культивируемый Цветаевой.

Слово у Цветаевой всегда точное и семантически значимое. Она признается: «Больше всего на свете люблю песни и «формулы», а в значения «песни» и «формулы» вкладывает глубокие философские понятия: «Записать мысль – значит уловить ту первую, первичную, стихийную формулу, в которой она появилась изначально, а «песня» – это бытие (кто не поет, еще не есть, еще будет!» [4, VII, 564].

Цветаевская *формула* – это языковое явление, обладающее цельностью, денотативностью смысла, функциональной значимостью, экспрессивностью, семантической обусловленностью и выражают субъективное отношение к действительности, в которой раскрываются картина мира и элементы культуры в рамках цветаевского времени. Они (формулы) привлекают глубиной содержания, четкостью, выразительностью, эмоциональной насыщенностью и выполняют в тексте многоплановые функции

Рабочее определение формулы: ***формула – это единица языка, реализованная в до предела сжатом тексте с емкой внутренней формой, четко организованной структурой, способствующей раскрытию картины мира в авторском мироощущении.***

Формула – это словесная плоть идеи М. Цветаевой, манифестация языковой личности в коммуникативном аспекте. Формула М. Цветаевой – это форма Бытия, это форма отражения ее мироздания.

«Поиски слова – доказательство несовершенности мысли, уточните мысль – отточите слово. Так, а не иначе получается формула» [4, V, с. 267] – так объясняла М. Цветаева особенности этого жанра, к которому она обращалась по-

стоянно, представив тем самым возможность составить из ее формул отдельную книгу мудрых изречений, метких суждений, точных наблюдений, духовных откровений – книгу формул Марины Цветаевой “Великое согласие высот” [7], включающую в себя более 1200 формул, представленных в следующих 39 номинациях:

Я пишу, чтобы добраться до сути.
 В природе нет повторения.
 Святость искусства.
 У неповторимого нет второго.
 Гений делает имя эпохе.
 Единственный не бывает первым.
 Поэт есть ответ. Ответ гения.
 Я поэта есть я сновидца полюс я речетворца.
 Писать – входить без стука.
 Поэт в прозе – царь.
 Истинный критик – пророк.
 Прошлое еще впереди.
 Сегодня, не имеющее вчера, не имеет завтра.
 Книга – этап.
 Из Истории не выскочишь.
 Мир сам себя скажет.
 Неизбежность вопроса и есть абсолют ответа.
 Откровенность требует сокровенности.
 Как надоели деньги!
 Быт: ненавидимая видимость.
 Любовь – провал во времени.
 Чувству не нужен повод.
 Сердце: скорее орган, чем орган.
 К душам не ревнуют, душа – дружба.
 Героизм души – жить, героизм тела – умереть.
 Я здесь ради имени.
 Я не хочу низко думать о людях.
 Лицо моей тоски – женское.
 Мужское-собирающее – на единоличное женское.
 Возраст собственного числа.
 Не судите обо мне хуже, чем меня создала природа.
 Фактов я не трогаю, я их только – толкую.
 Я человек вечной благодарности.
 Я годы – одна (людская пустошь).
 Я не философ. Я поэт, умеющий и думать.
 Моя воля и есть терпение.
 Меня в других нет.
 Что до мужского настоящего – я в нем никогда не числилась.
 Я не терплю – счастья.
 Я – чудо; ни добро, ни худо.
 Любая формула, создаваемая Цветаевой, пропущена через мироощущение поэта. Каждая строка формулы строго и тщательно отточена. Цветаева всегда была в русле общемировой куль-

туры: “...оно ПО МНЕ пролегло” [4, VII, с. 384]. Ее эстетическая мысль сугубо индивидуальна: “Я пишу, чтобы добраться до сути, выявить суть; вот основное, что могу сказать о своем ремесле. И тут нет места звуку вне слова, слова вне смысла; тут – триединство” [4, VII, с. 377].

Вершина цветаевского мастерства – это развернутая формула, где четкость и ясность изложения, идейная насыщенность сравнима с афоризмами великих мыслителей: “И – странное чудо: чем больше творение (Фауст), тем меньше оно по сравнению с творцом (Гете). Откуда мы знаем Гете? По Фаусту. Кто же нам сказал, что Гете – больше Фауста? Сам Фауст – совершенством своим.

Возьмем подобие:

– “Как велик Бог, создавший такое солнце!” И, забывая о солнце, ребенок думает о Боге. Творение, совершенством своим, отводит нас к творцу. Что же солнце, как не повод к Богу? Что же Фауст, как не повод к Гете? Что же Гете, как не повод к божеству? Совершенство не есть завершенность, совершается здесь, вершится – Там. Где Гете ставит точку – там только и начинается! Первая примета совершенности творения (абсолюта) – возбужденное в нас чувство сравнительности. Высота только тем и высота, что она выше – чего? – предшествующего “выше”, а это уже поглощенное последующим. Гора выше лба, облако выше горы, Бог выше облака – и уже беспредельное повышение идеи Бога. Совершенство (состояние) я бы заменила совершаемостью (непрерывностью). Прорыв в божество, настолько же несравненно большее Гете, как Гете – Фауста, вот что делает и Гете, и Фауста бессмертными: малость их, величайших, по сравнению с без сравнения высшим. Единственная возможность восприятия нами высоты – непрерывное перемещение по вертикали точек измерения ее. Единственная возможность на земле величия – дать чувство высоты над собственной головой” [4, IV, с. 15]; Ибо, в иных случаях, довершать не меньшее, если не большее, варварство, чем разрушать” [4, IV, с. 16].

Большое значение в реализации картины мира имеют прецедентные формулы:

Герострат, чтобы прославить свое имя, сжигает храм. Поэт, чтобы прославить храм, сжигает себя [4, V, с. 288].

Единственное, что можно перед Джокондой – не быть [4, IV, с. 515].

Бетховен превосходил любого – сущностью, но любой превосходил Бетховена – красотой. Гете (80-ти лет) превосходил любого гением (и красотой!), но любой превосходил его молодостью [4, IV, с. 598].

Эти полчаса Гоголя у камина больше сделали для добра против искусства, чем вся долготлетняя проповедь Толстого [4, V, с. 355].

В лице Волконского я люблю старый мир [4, VI, с. 182].

Никакой державный цензор так не расправился с Пушкиным, как Владимир Маяковский с самим собой. Если есть в этой жизни самоубийство, оно не одно, их два, и оба не самоубийства, ибо первое – подвиг, второе – праздник. Превозможение природы и прославление природы. Прожил как человек и умер как поэт [4, V, с. 374].

Именные *формулы* – это образец “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет”, зеркало эпохи в интеллектуальном отражении Цветаевой, они формируют моральные нормы, определяют поведение лингвокультурного общества, материальные и духовные ценности общества. В этом отношении особый интерес вызывают формулы, где на первый план выдвигается самооценка Цветаевой по отношению к самой себе:

Бог, давший мне широкие плечи и крепкие руки, знал, что он делал. Но Бог, давший мне при этом *такую* душу, – определенно не знал [4, IV, с. 548].

В жизни людей я хочу быть тем, что не причиняет боли, потому и лгу – всем, кроме себя самой [4, VII, с. 64].

Воспитанность во мне не от моего сословия, а – от поэта во мне: сердца во мне [4, VI, с. 438].

Вот почему поэты никогда не писали мне стихов – они предоставляют это тому, кто будет через сто лет [4, VII, с. 65].

Всеми своими корнями я принадлежу к прошлому. А только из *прошлого* рождается *будущее* [4, VI, с. 295].

Вся моя жизнь – роман с собственной душою, с городом, где живу, с деревом на краю дороги, – с воздухом [4, VI, с. 25].

Фактов я не трогаю, я их только – толкую [4, VII, с. 247].

Я свою суть явила бы лишь в любви того, кто выбрал бы меня меж всеми существами, прошлыми, настоящими, будущими; мужчинами, женщинами; существами из воды, из огня, из воздуха, из земли, из неба. И многими еще – ведь есть другие планеты! Такова я. Если я Вас огорчила – прости мне, что я есмь” [4, V, с. 467].

Самооценка – это не философские рассуждения о сложных понятиях и чувствах, а ощущение личного состояния и индивидуального

восприятия данных чувств и понятий. В подавляющем большинстве предметом самооценки выступают личные и интеллектуальные качества Цветаевой. У нее высокая степень самокритичности и достойная, уравновешенная самооценки. Цветаева уверена, что “Не зная себе цены, зная цену всему остальному (особенно – высокому!), из всего ценного не зная цены именно себе – это какая-то местная слепость или корыстнейшее лицемерие”. Она прекрасно осознает все свои достоинства и недостатки, знает, что хорошо, а что плохо, поэтому открыто обращается к своему читателю и потомкам: “Не судите обо мне хуже, чем меня создала природа”.

Цветаева всегда знала цену своему таланту и, как многие ее современники, служила своему времени. В пространстве современности Цветаева смогла найти свое место благодаря пониманию того, что каждое время имеет свое неповторимое содержание, по которому его будут судить: не заказ времени, а показ. Это и есть современность: “Быть современником – творить свое время, а не отражать его. Да, отражать его, но не как зеркало, а как щит” [4, V, с. 342].

Идеи и законы формул – это личный мир М. Цветаевой. Свои воззрения М. Цветаева излагала с полной уверенностью в их истинности, исключительно как свое личное убеждение, опирающееся на общие нормы логики и разума. Ей дано было понять и рассмотреть общее в отдельном, закон – в случайности, единое – во всем.

Литература

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
2. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994.
5. Шевченко Н.М. Развитие ономастической лексикографии в Кыргызстане. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010.
6. Шевченко Н.М. Основы современной фразеологии. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2009.
7. Шевченко Н.М. Великое согласие высот: Собрание формул М. Цветаевой. Бишкек: Салам, 2009.